

*Д. Н. Гончарко, О. Ю. Гончарко**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА: МЕЖДУ ТАВТОЛОГИЕЙ И ПРОТИВОРЕЧИЕМ**

«Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна не является работой по политической философии, однако есть некоторые основания прочесть этот трактат политически и за критикой языка увидеть аргументы для перехода к нерационалистической философии политики. В данной статье производится попытка интерпретировать идеи Л. Витгенштейна о тавтологии и противоречии как основание для построения аналитической философии политики или аналитической критики политических дискурсов.

Ключевые слова: логика, тавтология, противоречие, аналитическая политическая философия.

D. N. Goncharko, O. Yu. Goncharko

POLITICAL THOUGHT IN THE PHILOSOPHY OF L. WITTGENSTEIN: BETWEEN THE TAUTOLOGY AND THE CONTRADICTION

The wittgensteinian “Tractatus” is not usually regarded in philosophical tradition as a work on the philosophy of politics. However, there are some reasons to read this treatise in the light of the analytical political philosophy. We attempt in the present paper to interpret L. Wittgenstein’s ideas on the tautology and the contradiction as the basis for discussing the issues of an analytical philosophy of politics or an analytical criticism of political discourses.

Keywords: logics, tautology, contradiction, analytical philosophy of politics.

Если попытаться проследить, как трансформировался язык политической философии начиная с Нового времени, то, безусловно, основными вехами

* Гончарко Дмитрий Николаевич, кандидат философских наук, Российский государственный университет им. А. И. Герцена, Русская христианская гуманитарная академия; goncharko@list.ru

Гончарко Оксана Юрьевна, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербургский государственный университет; goncharko_oksana@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Витгенштейн в России: проблемы восприятия и понимания» № 16–33–00023–ОГН.

можно считать принципы гоббсовского и Спинозовского стремления к само-сохранению, рациональный эгоизм Б. Мандевилля в «Басне о пчелах», понятия нравственности И. Канта и Ж.-Ж. Руссо, исторического разума Г. В. Ф. Гегеля и классовой борьбы К. Маркса. Эти принципы помогли связать историческую реальность, с одной стороны, и политический процесс с другой. Однако совместно с трансформацией языка политической философии меняются и модели демократии, начиная с модели, выросшей из конфликта либеральных и нелиберальных ценностей в философии Т. Гоббса и Б. Спинозы, продолжая моделями демократии в свете идеи разумного эгоизма Б. Мандевилля, и моделью демократии как разрешения противоречия между свободой и участием в рамках республиканской традиции у Ж.-Ж. Руссо. Позиция последнего наиболее интересна в связи с проблемой соотношения языка и политики: политический конфликт является следствием лингвистического конфликта суждений о благе при использовании понятий «общая воля» и «воля всех» и при попытке сформировать модель демократии, основанную на примирении представлений об общественном благе и совокупности индивидуальных желаний. Поэтому граждане должны подчиниться системе законов и правил, которые основаны на общественной договоренности. Эти обязательства, которые граждане берут на себя, составляют основу политического права.

Лингвистический поворот в политическом дискурсе мы также находим в философии Т. Гоббса в свете его подхода к пониманию знака и в связи с этим к интерпретации закона. И. Гердер также обращал внимание на роль языка в измерении политического при построении универсальной модели законодательства. Язык способен примирять общее и индивидуальное (сама идея дипломатического урегулирования конфликтов). И если проблемы права и проблемы государства анализировать как языковые проблемы, как это предлагал И. Гердер, то любая политическая проблема разрешима. При этом сам язык служит не только обеспечению моральной и политической коммуникации, но и образует нас как моральных и политических индивидов.

Сегодня, если мы говорим о медиуме в политической реальности, язык выступает одной из главных его характеристик наравне с деньгами:

Парадоксы деконструктивистской концепции языка и значения, видимо, имеют параллели в парадоксах стоимости в современной экономической реальности. Глубоко справедливо предположение Лоджа, что философия языка (или литературная теория) и экономика в наши дни стали естественными эквивалентами друг друга, и именно развитие политического предмета объясняет тот занятый факт, что эти две столь явно различные дисциплины вдруг обнаружили так много общего. Знаменитое *il n'y a pas dehors text* деконструктивистов имеет финансового двойника в огромных потоках капитала [1, с. 118].

Выделение подобных медиумов несет опасность: если все становится измеримым со всем и все возможно проинтерпретировать и просчитать либо через денежные, либо через языковые отношения, то, с одной стороны, становится возможным само определение политического предмета в этих категориях, но, с другой стороны, происходит и обратный определению процесс — полная потеря четких контуров политического в его отличии от не-политического.

Политическая реальность собирается из конфликтов и противоречий и существует благодаря конфликтам и «притиранию» интересов, причем изначальное трение (несостыковка) интересов является залогом развития как политического дискурса, так и моделей демократии. Приведем релевантную мысль Л. Витгенштейна:

Оно (требование чистоты и прозрачности) заводит нас на гладкий лед, где отсутствует трение, стало быть, условия в каком-то смысле становятся идеальными, но именно поэтому мы не в состоянии двигаться. Мы хотим идти: тогда нам нужно трение. Назад на грубую почву! [4, с. 126]

Под политическим, как правило, понимается любое совместное решение, принимаемое группой (урегулирование интересов). То есть на вопрос, *кто действует и кто принимает решение?* ответом в свете концепции рационалистического либерализма будет то, что действующим агентом выступают граждане и политические функционеры, а с точки зрения марксизма этим агентом выступают экономические группы. Иными словами, в обеих концепциях политический агент помещается в логико-языковые структуры и тем самым поглощается классом, группой (а именно видом в логическом смысле этого слова), что приводит в т. ч. к предельной поляризации возможных политических альтернатив, выраженных преимущественным присутствием либо государства, либо общества (либо тотальной бюрократии, либо тотальной революции). Пример подобного растворения политического агента и политического действия в тотализирующей концепции приводят Д. Асемолу и Д. А. Робинсон в книге «Экономические истоки диктатуры и демократии», вводя продуктивное деление политической власти на власть *de jure* и власть *de facto*, т. е. власть, закрепленную исторически за некоторым институтом, и власть реальной силы. Анализ политической реальности трансформируется в анализ распределения и перераспределения политической власти как *de jure*, так и *de facto*.

Сам характер рационалистической политической философии, который превалирует в истории политических учений и предполагает наличие политического субъекта в той или иной форме, в итоге, как правило, не способствовал решению тех политических задач, которые ставила перед ними современная им политическая ситуация. В этом отношении пример «политической философии» Л. Витгенштейна можно привести в качестве аргумента к построению иной, не рационалистической политической философии, основанной скорее не на анализе политической реальности в ее взаимоотношении с политическим субъектом, а на анализе политического языка. В данной статье мы не ставим задачу реконструировать политические идеи Л. Витгенштейна, однако хотим извлечь некоторые основания к построению аналитической философии политики в «Логико-философском трактате», значение которой определяется указанием на новый способ теоретического осмысления политического, порывающий с рационализирующей и онтологизирующей формой, характерной для большей части политических теорий со времен Т. Гоббса.

Обратим внимание на обозначение, которое определяет характер логики политического, заданное еще Аристотелем в «Политике». Политического ак-

тора, по Аристотелю, определяет не только способность воспринимать речь, но и использовать ее:

Раб по природе своей-тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает (Arist. *Polit.* 1254 b 22).

Иными словами, в политическом акторе, по Аристотелю, присутствуют одновременно ζῶν λογικόν и ζῶν πολιτικόν-два аспекта политического: аспект понимания (логика) и аспект использования (прагматика). И политика только потому имеет место, что логос не сводится к содержанию речи, но неразрывно связан с регистрацией и формой этой речи (т. е. с семантикой и прагматикой). Эта регистрация способна производить отличие одних звуков как речи, которая касается справедливого и несправедливого, от других звуков как всего лишь шума, который сигнализирует о том или ином аффекте. Эта идея коррелирует с витгенштейновским различием понятий «показывания» и «сказывания». Л. Витгенштейн в «Логико философском трактате» резюмирует это следующим афоризмом:

4.1212. То, что *можно* показать, *нельзя* сказать [3].

Эта асимметрия двух модальностей возможности и невозможности проявляется только на уровне языка. С одной стороны, пропозиция изображает реальность, является картиной реальности, про нее можно сказать, что она истинна или ложна, именно потому, что она сличается с реальностью. Только те пропозиции можно считать истинными или ложными, которые могут быть непосредственно сопоставлены с реальностью. Большинство же политических суждений (лозунги, программы партий, законы, резолюции и прочее) являются модальными по форме. Модальные же пропозиции не являются ни истинными, ни ложными и не поддаются описанию с помощью классических таблиц истинности пропозициональной логики. Интересно, что Л. Витгенштейн создает в начале XX в. почву для последующего создания семантики возможных миров, в рамках которой можно говорить об истинности и ложности модальных суждений в свете их привязки к системе отношений между возможными мирами.

Однако, с другой стороны, не для всего пропозиция является изображением:

4.12. Пропозиции могут изобразить всю Реальность, но они не могут изобразить то, что они *должны* иметь общим с Реальностью, благодаря чему они *могут* ее изображать, Логическую Форму. Логическая Форма,-чтобы ее *можно* было изобразить,-*должна* быть в состоянии поставлена рядом с Пропозицией, за пределы Логики, то есть за пределы Мира [3].

4.121. Пропозиции *не могут* изобразить Логическую Форму, она отражается в них [3].

С одной стороны, ничто внутри политической речи не определяет ее, внутри языка нельзя провести границы возможного и невозможного, а с другой стороны, декларируемые в политической речи модальности (как правило,

модальности должествования и возможности/невозможности) не имеют прямых корреляций с реальностью действительного мира, а скорее с другими возможными мирами, достижимыми из данного. Как и в случае зрения, мы понимаем ограниченность нашего кругозора, догадываемся о нем, не видим через стену, не видим, что видит другой, но сама граница присутствует вне поля нашего взгляда. Логика Л. Витгенштейна, несмотря на апофатическое завершение трактата, - это попытка сориентироваться в мире, свериться и соотноситься с ним. Его идея возможных миров - это как раз попытка привязать модальности к миру (множеству миров), тем самым осуществить привязку модальных суждений к истинности, т. е. в конечном счете к реальному миру, с которым устанавливаются те или иные отношения достижимости из других, возможных миров. Такая привязка осуществляется не посредством семантических таблиц истинности, выполняющих функцию семантики для классической логики, а посредством более сложной семантической конструкции - множества возможных миров, отличных друг от друга истинностными значениями пропозициональных переменных, но связанных друг с другом отношениями достижимости.

За понятием истинности всегда стоит некий ряд конвенций и договоренностей, что выражается в семантике возможных миров аксиоматически: аксиомы задают свойства отношения достижимости, т. е. правила переходов из миров в другие миры. Однако в философии Л. Витгенштейна все же не произошло построение формализма семантики возможных миров, несмотря на существенные интуиции и само понятие возможных миров, которые в его философии и появились впервые. Объяснение этому можно найти в книге В. В. Библихина «Витгенштейн: смена аспекта», в которой автор пытается пояснить смысловые истоки тяготения Л. Витгенштейна к аналитическому скепсису и апофатике:

Дача имени есть измерение именуемого существа в системе, о которой мы условились, но возможность условиться и дать имя обеспечена тем, что мы даем имя безусловному [2, с. 49].

Внутреннее стремление к постижению безусловного помешало Л. Витгенштейну удовлетвориться системой условностей (пусть даже формальных и чистых логических условностей). Он был остановлен на уровне самообеспечивающей (автореферентной) логики тождества, открытие парадокса в построении которой принадлежит учителю и коллеге Л. Витгенштейна Б. Расселу. Однако, что является предметом интереса в данной статье, в логику тождества Л. Витгенштейна вписывается логика идеи политического равенства, упирающаяся также в проблему обусловленности/необусловленности языком-реальности и, наоборот, реальностью-языка. Тождество и равенство (идея политического равенства в данном случае) не есть данность и готовая величина, это процедура, раскрывающая связь пропозиций и мира с одной стороны и речи и субъекта с другой. У Л. Витгенштейна есть интересное логическое замечание в «Трактате»:

5.142. Тавтология следует из всех Пропозиций: она ничего не говорит [3].

Какова же форма всех пропозиций? В чем заключается логический смысл тождественного? Л. Витгенштейн отвечает так:

5.47. Ясно, что все, что вообще может быть сказано заранее о Форме всех Пропозиций, может быть сказано сразу. Все логические Операции уже содержатся в Элементарной Пропозиции. Там, где соположения, -там есть аргумент и Функция, а где они, -там уже и есть все логические константы. Можно было бы сказать: единственная логическая константа-это то, что все Пропозиции по своей природе имеют общего друг с другом. А это ни что иное, как общая Пропозициональная форма [3].

Эта Пропозициональная Форма учреждает порядок общего или тождественного между событиями, положениями вещей и ситуациями (возможными мирами). В логическом плане один единственный предмет предполагает целый мир предметов и операцию его выделения из мира, т. е. никогда не выступает как изолированный. Таким же образом и мир-это совокупность фактов, а не единичных вещей. Этим проясняется взаимное прояснения всего всем, и в т. ч. вопросами языка или литературы-социальной практики вообще и политической практики в частности.

Таким образом, получается, что в духе философии Л. Витгенштейна возможно построение тавтологического обоснования того, чем может язык определять политику. Однако при этом не стоит забывать, что политические проблемы тогда могут быть сведены к проблемам языка (и с ними по сути можно было бы разобраться так же, как и с метафизическими проблемами-посредством прояснением языка и построением аналитической философии политики), но также тогда и к любым другим проблемам: капиталу, воле к власти, поиску признания и проч. В этом смысле вообще все может быть интерпретировано как политическое. При этом не стоит забывать, что оно же одновременно оставит возможность быть интерпретированным и как любое другое, например, эстетическое, или логическое, или онтологическое.

Поэтому можно сказать, что неклассическая философия политики, которая могла бы быть реконструирована на основе идей в философии Л. Витгенштейна, вряд ли будет нетавтологической (т. е. не формальным, а по существу политического дела обоснованием мысли о политическом измерении тождества-идеи политического равенства), однако только на ее основании, наверное, возможно построение аналитической философии политики. Равенство в поле субъекта и речи-это то, что необходимо распознать в практике. Логика равенства (как и логика тождества) коррелирует с логикой различия, в рамках которой только и может возникнуть как идея политического вообще, так и противоречивая идея политического равенства как цели, к которой могло бы стремиться общество, состоящее из неравных по определению единиц. Это равенство есть некое пустое свойство, которое порождается процессом политической субъективации, связанной с коренным переустройством всего предшествующего опыта или предшествующих политических дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. — М.: Изд. дом высшей школы экономики, 2014.
2. Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
3. Витгенштейн. Л. Логико-философский трактат. — М.: АСТ, 2018.
4. Витгенштейн. Л. Философские исследования // Витгенштейн. Л. Философские работы. — М.: Гнозис, 1994. — Ч. 1.